

Черная харизма

Мысль о черной харизме подсказал мне Проханов. Это было 3 декабря 2008 года – в сорок третий юбилей моего выступления с речью против решения “признать заслуги Сталина”. На конференции, организованной фондом Наумана, собраны были “каждой твари по паре”. Куняев, как всегда, передергивал, фальшивил. Но Проханов не фальшивил. Его вдохновенное шаманство вызвало в памяти интонации, которые я слышал по радио в 1940 году (заклятого друга не глушили). Правда мифа творилась на ходу. Она не всегда совпадала с правдой факта. Но Проханов поразил меня именно шепотью правды: ему все равно, 1/7 или 1/3 русского народа сидели при Сталине в лагерях. Иван Грозный и Петр Великий тоже были деспотами. Но это были, – переводя мысль Проханова на язык Шварца, – свои драконы. И Сталин завершил линию своих драконов, любимых драконов.

Теперь перейдем на язык фактов. История России разворачивалась на равнине, открытой нападением с Востока, Юга и Запада. И свои драконы охраняли Древнюю Русь, как Гималаи – Тибет. Это одна из причин размытости границ между добром и злом в фольклоре восточных славян (факт, о котором писал Г. П. Федотов и недавно – еще раз – подчеркнул игумен Вениамин Новик). Грозные владыки, хранители России, загнали духовную культуру в угол, где Малюта Скуратов всегда мог задушить Федора Колычева.

На память о драконах-спасителях легла и память ветеранов о победах 43–45-го годов, оставив в тени разгром, которого хватило бы на всю Западную Европу, дважды повторенный разгром: летом 1941-го и летом 1942 года. Армия, созданная Сталиным и подчиненная его раболепным слугам (Буденному, Ворошилову, Тимошенко), была почти уничтожена. Но Россия велика, и сами победы Гитлера создали неслыханно растянувшийся фронт, с ахиллесовыми пятками, ждавшими удара меча. На этом материале мы, ополченцы, научились побеждать, а потом Сталин присвоил себе наши победы.

Была еще одна забытая страница, но ее твердо помнили только бабушки. В книги она попадала скупо, на телевидение – почти не попадала. Между тем потери в деревнях и селах при надругательстве над крестьянством, названном коллективизацией, сравнимы с военными потерями: это десятки миллионов жертв. Но их не помнят, или приписывают геноцид евреям.

В 1956 году, сразу после речи Хрущева на XX съезде, раскрылись уста моих учеников и учениц в станице Шкуринской, где я работал учителем, и каждая девочка, с которой я неловко кружился на выпускном балу, рассказывала мне,

сколько теней носится над крышами их домов. Но в той же станице, перебивая тему урока, Гриша Ерешко, волнуясь, спросил меня: присвоят ли Жукову звание генералиссимуса? Память о войне требовала имени победителя. И на пустое место потихоньку вползала старая тень.

Сорок три года спустя после моей речи в институте философии вопрос о драконе-спасителе снова вызвал бурные прения. Для гостей из Германии ответ был ясен. Но не для русских. Великий народ нуждается в великом прошлом. Но почему не вспомнить Пушкина?

Я памятник себе воздвиг нерукотворный.
К нему не зарастет народная тропа.
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа...

Александрийский столп был воздвигнут в память победы над Наполеоном. Пушкин был прав: память о стихах долговечнее памяти о победах. Расцвет русской литературы XIX века многие на Западе ставят в один ряд с искусством Древней Греции и Ренессансом. Петр был деспотом, но он вывел Россию из духовного прозябания и заставил выйти на одну из больших дорог мировой истории. И после довольно скучного ученического XVIII века Россия заблистала именами: Пушкин, Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов... А вслед за литературой, вслед за музыкой сложилась и русская философия. И сквозь все потери, принесенные большевиками, эта линия не прервалась. Она стала пунктиром, не всегда заметным, но длится.

Петр – спорная фигура. Бывая в Питере, я почти всегда приходил поздороваться с Медным Всадником. “Утро стрелецкой казни” тоже держится в памяти. И у Ахматовой есть строки:

Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими стенами выть...

А наперекор этим строкам – другие:

В Кремле не можно жить. Преображенец прав.
Там древней ярости еще кишат микробы:
Бориса дикий страх, всех Иоаннов злобы
И самозванца спесь взамен народных прав.

В петровских реформах страшнее оказалась не отталкивающая их жестокость, а

разрыв между верхним слоем и народом. Бердяев описал Октябрьскую революцию как выход на подмости фигур из подворотни великой литературы: Хлестаковых, Ноздревых, Смердяковых. Эта волна смывала подлинную образованность. И окончательная оценка Петра зависит от того, найдут ли русские люди опору в славе русской литературы, а о войнах будут говорить правду. Как мы платили кровью за сталинские расстрелы испытанных полководцев и за безграмотные решения в 41-м и 42-м году, и только Гитлер, разбивая сталинских холуев, помог выдвинуться будущим маршалам.

Впрочем, нельзя объяснить все наши несчастья подлостью местного начальства. Есть еще глобальные причины. Мир становится все сложнее и меняется все быстрее. Прогресс – не совсем точное слово. Развитие несет неизвестно куда и разрушает не меньше, чем созидает. Даже в самых благополучных западных странах никто еще не нашел пути в обход экологического кризиса, духовного кризиса, разрыва между поколениями и т. п. Завтрашний день всюду в тумане. А в России народ вырвали из неподвижного быта и бросили в историю, как в кипяток. Сегодня нужно очень глубоко жить, чтобы не чувствовать себя щепкой в порогах.

Взгляд сквозь брэнное в вечность даже во времена Конфуция давался нелегко. А сегодняшняя образованность – призрак, знание нескольких поверхностных схем. И глобальная цивилизация – это глобальная пошлость. Это парик, надетый на лысую голову, а под ним – темная пустота, и в темноте – бесы подсознания. Пока дорога не тряская, парик держится. А начнет покрепче трясти – того гляди свалится. Благодушная пошлость очень легко переходит в агрессивное хамство, и хам Смердяков, хам Калибан предлагают свою программу: запихнуть всю сложность в прокрустово ложе и лишнее отрубить. Обещав потом светлое будущее коммунизма или тысячелетнее царство белой расы. Эту программу пытались выполнить Сталин, Гитлер, Мао Цзэдун, Пол Пот. Ни у кого в XX веке не вышло. Но мы не гарантированы от новых попыток. Если не хватит нефти, а потом воды для питья, а потом и воздуха для дыхания.

Обернемся назад на сотню лет, взглянем на мир до 1914 года. В один миг приличный, цивилизованный национализм стал зверским. Обе коалиции трещали от напряжения. Россия, управляемая ничтожествами, выходит из игры, но ее заменяет Америка. И Германия побеждена, пять лет, с 1918 по 1923, она мечется от кризиса к кризису, от коммунистического к фашистскому путчу. Но кризис не затронул Америку, и на американские деньги марка встала на ноги, и парик снова утвердился на голове, – но ненадолго. Начался мировой кризис. Некому было помогать Германии, все оказались в беде. И Гитлер, впавший в ничтожество после пивного путча 23-го года, стал набирать очки, стал расти на дрожжах безработицы и голода. Отчаявшиеся люди массами сбрасывали парики и давали волю хамству, и

агрессивный хам нашел виноватых: это наследственный враг на Западе и евреи, воткнувшие нож в спину победоносной германской армии.

По улицам, еще помнившим шаги Гете, зашагали штурмовики, распевая людоедские песни. Число немцев, голосовавших за Гитлера, перевалило за 40%. Это было больше, чем у большевиков в учредительном собрании даже вместе с левыми эсерами. Поджог рейхстага, запрет оппозиции... Вырвалось наружу черное подполье. Два дракона приготовились к схватке. Заклятые друзья, косясь друг на друга, поделили Польшу – и через два года сцепились между собой. Каждый хотел всего, всей Европы, власти над всем миром. Германия, объявив войну Соединенным Штатам, сама себя изолировала и рухнула. Сталин дал приказ готовить войска к “освобождению Европы”. Психологической подготовкой была волна ненависти к американцам, засылавшим каких-то особых ядовитых жуков, и к “убийцам в белых халатах”.

В этот миг Сталин в одночасье умер, убийц реабилитировали, про жуков забыли – и началось коллективное руководство (на языке Черчилля – собачья грызня под ковром, откуда время от времени выбрасывали мертвую собаку). Первая попытка вышвырнуть Хрущева провалилась, выбросили “антипартийную группировку”. Но попытка Хрущева опубликовать дело в шестидесяти четырех томах, подготовленное комиссией Шверника, была приговором, который он сам себе подписал. Морально подгнившая партия не могла решиться сказать правду о сталинских репрессиях: 19 870 000 арестованных и 7 000 000 расстрелянных только за период с 1 января 1935-го по 1 июля 1941 года. Прошлое надо было утопить во мгле. Система, отказавшаяся от хирургии крутых реформ, продолжала по инерции двигаться в направлении, потерявшем смысл, к войне, ставшей невозможной, мастерила бомбы, которые никто не решился бы сбросить, и оставалась искренней только в словах Брежнева: “Не надо раскачивать лодку”. Избегая раскачки, лодка медленно гнила и вдруг – рассыпалась. Так вдруг падает старый гриб, насквозь проеденный червями.

Между тем западным немцам стали промывать мозги. Сперва, в 1946 году, подавляющее большинство опрошенных называли Гитлера величайшим политиком в истории Германии. Но каждую неделю журнал “Шпигель” выходил со статьей о гитлеровских зверствах. И конечно, не только “Шпигель”. Я называю иллюстрированный еженедельник, который просматривал, когда меня допускали к спецхрану. Таких журналов, газет, телевизионных и радиопередач было много. И в 1990 году – через 45 лет – я увидел другую страну, разговаривал с другими школьниками. Два года спустя я был гостем академии информации и коммуникации бундесвера и как-то сразу нашел общий язык с молодыми офицерами. Только одно я не мог им объяснить, – почему у нас сохранилась такая заваль, как общество “Память”, из какой почвы выросли допотопные уроды. Задним числом приходит

образ Авгиевых конюшен, которые мы так и не вычистили. И образ старого одеяла, которое невозможно залатать. Зашиваешь одну дыру – расплзаются две другие. Все гниет... Власть не могла перейти к новым силам: они еще не сложились. Наверх вышли циники, поменявшие свои привилегии на частную собственность. Тогда, в 1992 году, еще не видно было (мне, по крайней мере) общее гниение, захватившее и остатки крестьянства, и то, что называется привычным словом “интеллигенция”. Помнится только, что я дважды высказывал мысль, казавшуюся странной, что школа для нас важнее экономики; что состояние полуобразованности неустойчиво, взрывоопасно и грозит новым культом новых вождей...

Но даже в Германии прочно ли “социальное рыночное хозяйство”? Или снова зашевелится Смердяков со своими планами упростить неустойчивую сложность? И с очередным кризисом, захватившим Запад, снова не удастся справиться, и мировой порядок наведут китайцы? Во всяком случае, торжество Запада не кажется мне окончательным и бесповоротным. Бухаринский вариант коммунизма с китайским акцентом вполне возможен. Хайдеггер говорил Гадамеру, что в конце XXI века мы будем изучать китайский язык. Во всяком случае нам, в России, Китай становится все ближе, Запад – все дальше. И лжепророки нас убеждают: ты сам – дерьмо, но ты часть славной традиции Александра Невского и Иосифа Сталина. И придет день, когда православная церковь причислит Сталина к лику святых. Так Проханов кончил свое выступление на международной конференции в Москве, 3 декабря 2008 года, и я своими ушами это слышал.

Мне хочется думать, что призрак дракона-спасителя – только призрак и вчерашняя трагедия не повторится. Однако невозможно предсказать, какие судороги даст растерянность масс, выбитых из деревенского быта и не нашедших себя в пятиэтажках. Массы не подготовлены к поискам внутреннего противовеса хаосу. Массы не понимают, в какую почву можно пустить свои корни. Массы не понимают, что победы Ассаргадонов стали прахом истории, что корни христианской цивилизации уходят в Иерусалим и Афины, а не в Вавилон, в жизнь малых народов, знавших только редкие победы в борьбе за независимость, но и побежденных оставшимися победителями в царстве духа; и мы живем наследством распятого Иисуса и отравленного Сократа.

Что же делать горстке людей, дошедших до глубокого сердца, где нашел убежище Бог, изгнанный с неба? В XIX веке пастор Грундтвиг учредил в Дании Народные университеты и поднял уровень крестьян до некоторого минимума внутренней формы, без которого немислима цивилизация. В Англии это шло иначе, ее собственным долгим путем. В каждом месте это совершается по-разному, но направление развития одно: понять, что стиль полемики важнее предметов полемики; что предметы споров неизбежно меняются, но стиль разговоров – основа

национальной традиции; что чем сложнее развитие, тем больше дискуссионных вопросов, и избежать этого нельзя, но можно избежать отчуждения, вражды, ненависти и перейти от дискуссии к диалогу, где дух целого витает над различием реплик, и тогда противостояние идей становится созидательной, а не разрушительной силой. И нам надо каплей за каплей выдавливать из себя раба ленинской традиции, где оружие критики переходит в “критику оружием”.

В необозримо сложном обществе единство достигается глубиной молчания, в котором рождается новое слово и рождается право менять старые слова, когда глубина этого требует. Невозможно надолго удержать прокрустово ложе. Поток событий его всегда ломает и возродит хаос. Выход из тупиков, в которые заводит развитие, – диалог, в котором никто не ищет личной победы.